
Максим Пахотин
Кречет над Курском
18+

Максим Пахотин

Кречет над Курском

https://litres.ru/74811227
SelfPub; 2026

Аннотация

Август 2024-го. Курская область. Боец с позывным Кречет и его группа за несколько часов до наступления оказываются на переднем крае: окопы у границы, миномётный ад, отступление через горящую Суджу, оборона Малой Локни. Рядом — Борз, Музыка, Зять, командир батальона Рассвет. Но война входит и в чужие дворы: старики Захаровы, участковый Дубов, пленный танкист из Кемерово. Жёсткая окопная проза о выгорании, долге и цене одного удара.

Максим Пахотин
Кречет над Курском

Кречет над Курском

Глава 1. Дорога

Дорога выползала из лесополосы — пыльная, серая, изрытая колеями. Уходила на север. Не обещала спасения. Единственное, что оставалось, — идти, переставляя ноги, слушая, как хрустит под берцами спекшаяся грязь и как в висках стучит одно и то же: не останавливаться.

Шёл в голове группы. Автомат висел на груди стволом вниз, палец — на спусковой скобе, предохранитель снят. Пальцы — затекшие, опухшие, чужие — сжимали цевьё так, будто это единственное, что удерживало его на земле. Всматривался в небо. Серое, низкое, без единого просвета. Прислушивался к шуму леса. Птицы молчали. Ветер шевелил верхушки сосен, и шелест казался слишком громким, слишком навязчивым, но в нём не было того, что он искал. Гула дрона. Свиста мины. Треска очереди. Ничего. Только постоянный, давящий гул, который жил где-то внутри черепа и не прекращался ни на минуту. Засохшие струйки крови тянулись из ушей вниз, к воротнику, оставляя на шее бурые разводы. Головокружение смазывало пространство — деревья, дорога, небо плыли, как в горячем мареве. В ушах пульсировала кровь. На ногах держал только тот злой, животный при-

лив, который бывает у людей, только что вышедших из боя.

Но жажда была сильнее всего. Сильнее усталости, сильнее боли в разбитых коленях, сильнее тупой, ноющей раны в боку, которую он уже перестал замечать. Последние сутки непрерывного боя — ни капли. До этого — остатки фляг, собранные с убитых, вода из луж, отдающая ржавчиной и чем-то ещё, от чего мутило. Язык прилипал к нёбу. Губы потрескались, покрылись коркой — провёл по ним рукой, на пальцах осталась кровь. Когда пил по-настоящему в последний раз, не помнил. Может, в Малой Локне. Может, ещё раньше.

Они вырвались из окружения пару часов назад. Ночью. Тихо. Без выстрелов. Командир батальона — подполковник с позывным «Рассвет» — отдал приказ на прорыв. Сам остался. Пошёл в контратаку с горсткой бойцов, чтобы дать остальным время уйти. Кречет не видел, как он погиб. Только слышал — глухие разрывы, длинные очереди, а потом тишину. Такую, от которой закладывает уши сильнее, чем от взрывов.

Уходили лесом. Рассредоточенно — по двое, по трое, на расстоянии видимости, но не кучно. Так, чтобы одна мина, один снаряд, один разрыв не забрал всех сразу. Так учили. Так делали. Даже сейчас, на последнем издыхании, на инстинктах, вбитых годами службы. Оставалось меньше двадцати человек из тех, кто держал оборону в колонии. Полурота.

Мальчишки, мужики, контуженные, раненые, обожжён-

ные. Те, кто ещё мог идти. Те, кого несли на самодельных носилках из плащ-палаток и сломанных веток. Кто-то бредил. Кто-то молчал. Кто-то плакал без звука, глядя в землю. Боекомплект — почти на нуле. У Кречета оставалось два магазина. У кого-то — меньше. Гранаты — три на всех. И злость. Такая, что, казалось, можно было поджечь воздух одним взглядом.

Позади осталась Малая Локня. Женская колония, превращённая в крепость. Стены, пробитые БТРами и танками. Двор, заваленный телами. Брошенная техника — «Хамви», «Мардеры», «Страйкеры», обгоревшие, искорёженные, с сорванными башнями. Запах гари, солярки, крови. И тишина. Такая же, как сейчас, но другая. После боя. После смерти.

Смотрел на дорогу и думал: не смогли. Не удержали. Не остановили. «Сотни боевиков», — пронеслось в голове. Сотни, сука. Мы положили сотни. Восемь разведгрупп. Восемь БМП. Пятнадцать «Хаммеров». А они всё равно прошли. Всё равно зашли. Всё равно жгут Курскую область. Как в сорок первом.

Сплюнул. Слюна была густой, вязкой, с привкусом железа. Плевок упал в пыль и мгновенно впитался, оставив тёмное пятно.

Справа, в лесополосе, что-то мелькнуло. Тень. Движение. Руки сами вскинули автомат — медленно, потому что пальцы не гнулись, потому что всё тело кричало от боли. Но выстрела не последовало. Тень качнулась, отделилась от дерева

и шагнула на дорогу.

Боец. В таком же рваном камуфляже. С такой же обгоревшей, грязной формой. С таким же автоматом на груди. Поднял руку — открытая ладонь, жест, который знали все. И Кречет узнал его. Видел раньше — на построении, в колонии, перед тем как всё началось. Мотострелок. Из второго батальона. Они вместе прорывались. Просто разделились в темноте, в лесу, когда уходили.

— Кречет?

Голос сиплый, сорванный — как будто из горла тянули проволоку.

— Он самый. — Кречет шагнул навстречу. — Живой?

— Куда мы нахрен денемся.

Больше ничего не сказали. Слова были лишними. Мотострелок махнул рукой — там, в лесополосе, были ещё. Кто-то сидел, привалившись к дереву. Кто-то лежал. Кто-то просто стоял, глядя в землю. Остатки батальона. Те, кто вырвался. Те, кто шёл тем же путём. Собирались — медленно, по одному, по двое, выходя из тени деревьев на серый свет дороги. Молча. Все понимали без слов: воды нет, еды нет, связи нет, тыла нет. Есть только дорога. И те, кто идёт рядом.

Из своей группы дошли трое. Гитарист — с рассечённой бровью. Малыш — молча. Мирный — так же ровно, как дышал. Про Зятя не говорил никто. Про Зятя и думать было нельзя — пока идёшь.

Кречет закрыл глаза на секунду. Всего на секунду. А когда

открыл — дорога всё ещё уходила за горизонт. И надо было идти.

Шагнул вперёд. Группа двинулась следом — медленно, тяжело, но — вперёд. На север. Туда, где, может быть, ещё есть свои. Туда, где ждёт вода. Туда, где можно будет сесть на землю и просто дышать. Просто дышать. И помнить.

Высоко, в сером, промелькнула большая птица — и растаяла. Кречет проводил её взглядом. Дед говорил ему про кречета: из всех соколов самый ценный, потому что бьёт с одного удара, без второго захода. Позывной ему дали не за это — дали, как дают. Но он не спорил. Птица хорошая. Бьёт с одного удара.

А над дорогой всё так же висело серое небо. И гул не стихал ни на минуту.

Глава 2. Суджа

За две недели до этого. Пятое августа

Дорога на Курск была длинной и душной. Начало августа выдалось жарким — таким, что асфальт плавился под колёсами, а воздух над полями дрожал, как студень. Три с половиной тысячи километров отмахали самолётом — до Курска. Дальше сводный отряд пересел в автобус, и тот шёл ровно, чуть покачиваясь на ухабах. Парни дремали, кто-то слушал музыку в наушниках, кто-то просто смотрел в окно на проплывающие берёзовые перелески и покосившиеся деревенские домики. Кречет сидел у окна, привалившись пле-

чом к тёплому стеклу. Впервые ехал старшим группы. С ним — трое: Мирный из кемеровского СОБРа, Зять и Малыш. Все крепкие. Каждый уже нюхал порох. Смышлёные, отчаянные, профессионалы. Месяц на базе в Новосибирске перед отправкой, на слаживание, — достаточно, чтобы понять: не подведут. Но где-то под рёбрами всё равно сидело холодное, липкое чувство — не тревога, не страх, просто пустота на месте тех, кого рядом не было. Михалыча, Егорыча, Саяна. Агапова. Умом понимал: война. Потери — дело обыденное. Привыкаешь. Но привыкнуть — не значит смириться. Просто учишься жить с этой пустотой.

В Курск прибыли к утру. Город встретил пылью, сухим жаром и запахом горячего асфальта. На вокзале — военные патрули, машины, люди в форме. Обычная прифронтовая суета. Оттуда — сразу в Суджу, небольшой городок в восьми километрах от границы. Прибыли около семи вечера. Кречет посмотрел на часы и удивился: в Сибири в это время ещё день, светло, солнце только клонится к закату. А здесь уже смеркалось. Небо налилось серым, тени легли длинные, и в воздухе повисла та особенная, предвечерняя духота, от которой потеет спина под бронежилетом.

На окраине Суджи их ждали. Алехин Степан — командир группы антидиверсионного управления пограничного управления ФСБ Западного округа. Позывной — Борз. Стоял у «УАЗика» — невысокий, коренастый, с обветренным лицом и цепким взглядом. Рядом — трое его бойцов: Гита-

рист, Музыка и молодой парень с белесыми бровями. В таком же камуфляже, с такими же усталыми глазами. Музыка — молчаливый, с вечной одноразовой бритвой в руке, которую он постоянно водил по щеке, иногда до порезов, оставляя характерные следы. Познакомились быстро, без лишних слов. Борз предложил проехать в расположение лагеря — перекусить с дороги, перекурить, обсудить обстановку. Кречет согласился: перекусить было кстати.

Лагерь стоял в лесополосе за городом. Палатки, блиндажи, замаскированные машины. Пахло дымом, тушёнкой и хвоей. Усадили за длинный стол, сколоченный из досок. Парни Кречета вытащили из рюкзаков домашние гостинцы — колбасу, сало, печенье, копчёности. Женщины на базе в Новосибирске собрали в дорогу. Борз и его бойцы смотрели на это изобилие с довольным видом и потянулись к столу. Разговоры пошли быстро, легко — про дом, про семьи, про то, кто откуда. Смеялись, шутили. Все понимали: если всё нормально, ближайшие три месяца воевать вместе. А значит — надо друг друга знать.

Музыка молчал, а когда на столе дошло до сала, достал свою опасную бритву и начал резать — тонко, вровень, пластинка к пластинке. Ровнее, чем любой нож.

— Рука как у хирурга, — хмыкнул Гитарист.

— Рука как у сапёра, — сказал Музыка.

Это была первая его фраза за вечер. Тихая, глухая. Половина стола обернулась.

Борз посмотрел на него и ничего не сказал. Но запомнил.

Потом, когда ужин закончился и все разбрелись кто куда, Кречет и Борз отошли покурить. Встали у края лесополосы, глядя в сторону границы. Там, за полем, темнела полоса посадки, а дальше — невидимая, но ощутимая линия, за которой было чужое.

— Как обстановку оцениваешь? — Кречет затянулся, выпустил дым.

Борз помолчал. Посмотрел в небо, потом на землю. Сигарета тлела в его пальцах, и огонёк в темноте казался единственной живой точкой, которую он усердно прятал, прикрывая ладонью.

— Лично у меня, — сказал он негромко, — стойкое ощущение надвигающегося пиздеца.

Ветер дунул с поля. По спине пробежал холодок — не от слов, от того, как они были сказаны. Спокойно, буднично. Как констатируют: сегодня будет дождь. Завтра — война.

— Далеко до заставы? — сменил тему старший группы.

— Олешня. Линия окопов, опорный взводный пункт, — капитан махнул рукой куда-то в темноту. — От КПП таможенного поста сразу начинается. Триста метров в полный рост, с ходами сообщения, уходит в посадку. Держат человек десять контрактников и тридцать срочников на усилении. Контрактники старше пацанов года на три-четыре, не больше. Побудем у них, посмотрим, как дела. А дальше — вдоль границы.

— Понял. — Кречет докурил, бросил окурок под ноги, придавил берцем. — Валяемся ещё час. В двадцать три выдвигаемся.

Шли посадками. Ночь опустилась быстро, густая, беззвёздная. Только шум ветра в кронах, стрекот сверчков и где-то далеко — ровный, тягучий гул моторов. На той стороне. Шли молча, растянувшись цепочкой, держа оружие наготове. По рации предупредили своих: приближаемся, встречайте.

Опорник встретил неторопливым, размеренным спокойствием. Старший лейтенант-пограничник, единственный офицер, дружелюбно поздоровался со всеми за руку и, обратившись к Борзу, сказал:

— Давно не виделись, товарищ капитан.

— Да, Саш. — Алехин кивнул. — Как у тебя дела?

— Да вот срочников спать укладываю. — Он улыбнулся. — Дежурный наряд на КПП заканчивает. А если серьёзно — на той стороне суета какая-то, товарищ капитан.

— Понятно. Командуй, мы тут у тебя заночуем.

Осмотревшись, бойцы сводной группы расстелились в окопах — кто на плащ-палатке, кто просто на земле. Ночь шумела — ветром, сверчками, далёким гулом. Спать не хотелось совершенно. Близость чего-то надвигающегося поднимала адреналин, и они всматривались в темноту, пытаясь увидеть хоть что-то. Зато срочники спали безмятежно. Молодые, совсем пацаны. Но надо отдать им должное — с ору-

жием под боком, пальцы на предохранителе. Учили их хорошо.

Несколько человек дежурили в здании КПП — таможенного поста. Делали вид, что учреждение работает. Но вскоре погасили дежурный свет — за ненадобностью. По КПП уже прилетало. Операторы дронов на той стороне уже пытались поразить дежурный наряд, поэтому долго там не находились, а ночевать тем более уходили в укрытие.

Кречет лежал на спине, глядя в чёрное небо. Где-то там, за этой чернотой, были звёзды. Но их не было видно. Только тьма и холод. Тот самый, бесперспективный. Закрыл глаза, но сон не шёл. В голове крутились мысли — о доме, о Лене, о том, что обещал вернуться. И о том, что Борз прав. Что-то надвигалось. Что-то большое. И они стояли на самом его краю.

— У срочников, кроме автоматов, ничего, — сказал Александр, когда они с Борзом отошли к брустверу. — Ни гранатомёта, ни «Шмеля». Чем бронегруппы останавливать — не знаю.

Борз промолчал.

— Хорошо, что вы заночевали, — добавил Александр. — Шесть человек — уже что-то.

Глава 3. Огонь

Миномётный «выход» опытный боец слышит сразу. Глухой хлопок где-то за рекой — будто ударили по пустой боч-

ке. Обычно через пару секунд — прилёт. Мина поднимает столб чёрного дыма, разбрасывает куски грунта вперемешку с осколками. В принципе, любое углубление, а тем более окоп в полный рост, позволяет спастись — если, конечно, мина не влетела прямо в твоё укрытие.

Кречет услышал целую серию выходов — один за другим, с интервалом в доли секунды. Закричал и рухнул на дно окопа, прикрывая голову руками.

В ту же секунду на позиции обрушился ливень мин. Столбы дыма вставали всё ближе, приближаясь к окопам. Гул разрывов заглушал часть звуков «выходов» за рекой, но они всё ещё доносились — Кречет слышал их, пока одна из мин не ударила по брустверу, разбив его и усеяв осколками стволы деревьев, что росли над окопами. Следующий разрыв скосил их окончательно.

Мины стали падать в окопы, засыпая их обрушиваемыми бортами, обломками бруствера. Кречет не мог подняться — разрывы шли один за другим — он только слышал, как кричат товарищи, кроя матом ВСУшных минометчиков, пока очередной разрыв засыпал его землёй.

Подтянул руку — посмотреть время. Фосфорные стрелки: половина шестого. Шестое августа. «Какое-то сакральное время», — подумал он. Мысль прервал очередной разрыв. На него что-то упало. Сначала он подумал, что это тело, но потом понял — оторванный большой кусок бревна с бруствера.

Почувствовал, что по ноге потекла тёплая, вязкая жидкость. Кровь. Но боли не было. «Около пятнадцати минут», — подумал он, пытаясь встать. Это получилось не сразу. Опираясь на правую ногу, почувствовал резкую боль. Не «около», а пятнадцать. Убедился, посмотрев на часы. Их утюжили пятнадцать минут.

Дальше огонь противник перенёс в глубину — по прикидкам, били уже в районе Суджи. Кречет огляделся. Первое, что заметил: горящие постройки КПП и медленно крадущиеся к ним три танка и с десяток «Страйкеров».

Посмотрел на свои окопы. Они были перепаханы. Но кучки земли внезапно стали оживать — бойцы поднимались. Чей-то молодой голос с противоположной стороны, метрах в десяти, закричал:

— Кто старший? Где лейтенант?

Там были срочники. Молодые пацаны. Поднимались и пытались откидать землю и грязь с тел друзей, которые не поднимались.

В этот момент Кречет увидел выстрел боковым зрением. Не выстрел — удар. С неба, сверху, с почти отвесной траектории, в первый танк вошёл «Ланцет». Секунда — и башню сорвало, как крышку с консервной банки. Вспышка, грохот, чёрный дым, и танк замер, охваченный пламенем.

Кречет закричал:

— К бою!

Понимал: теперь эта колонна не пройдёт просто мимо. И

действительно — «Страйкеры» развернулись, и из них посыпал десант. Человек по десять с каждого.

Вжался в стенку окопа, перехватил автомат. В ушах всё ещё звенело, нога горела, но руки делали своё. Палец лёг на спуск. Где-то рядом, за спиной, поднимались свои. Бой только начинался.

Бой не начинается сразу. Он накатывает волнами — сначала редкая стрельба, потом плотнее, потом сливается в один сплошной гул. Кречет лежал на дне окопа, упираясь локтями в осыпавшуюся землю, и короткими очередями бил по силуэтам, мелькающим между редкими деревьями. Рядом, в соседней ячейке, Зять — Дмитрий Отмахов, молодой, но уже обстрелянный, с цепким взглядом и привычкой работать молча. Стрелял редко, но метко. Иногда бросал короткое: «Есть», — и снова вжимался в стенку.

Мат висел в воздухе, как дым. Не отдельные слова — сплошной поток, из которого иногда выныривали позывные, команды, ругань на себя, на противника, на весь этот мир. Кречет ловил себя на том, что тоже матерится — не потому что хотел, а потому что иначе не получалось. Слова вылетали сами, как гильзы.

Прошёл час. Может, два. Кречет перестал считать. Успевал только менять магазины, прижиматься к земле, когда рядом рвались гранаты, и снова стрелять. Пальцы онемели, плечо ныло от отдачи, но не останавливался. Остановиться — значит умереть.

А потом в небе что-то изменилось.

Кречет не сразу понял, что это. Просто в какой-то момент над их позициями прошла тень — и второй танк, тот, что полз к окопам, вспыхнул. Башню заклинило, корпус окутался чёрным дымом, из люка вырвалось пламя. «Ланцет». Наш. Кречет не видел оператора, не знал, откуда он работает, — но он был. И это было главное.

Потом ещё один. «Страйкер» — огромный, неуклюжий, с задранным вверх стволом — загорелся от FPV-дрона. Дрон влетел в корму, и машину залило огнём — от кормы к десантному отсеку. Из десанта, что сидел внутри, никто не выскочил.

Ещё один. Ещё. Кречет сбился со счёта. Успевал только прижимать огнём разбегающуюся пехоту противника, которая пыталась укрыться за горящей техникой, и думал: «Работают. Слава богу, работают».

Дроны шли один за другим. «Ланцеты» били в башни. FPV — в борта, в кормы, в люки. Американские «МРАПы» с колёсами в человеческий рост горели так же, как всё остальное. Пятнадцать единиц. Может, больше. Кречет не считал. Просто видел, как поле перед позициями — то самое поле, с редкими деревьями, за которыми темнела густая лесополоса, — превращается в кладбище горящей техники.

А потом дроны кончились.

Не сразу — постепенно. Сначала реже, потом ещё реже, потом совсем. Кречет ждал следующего «Ланцета», следую-

щего FPV — но небо молчало. Он не знал почему. Просто небо молчало.

И тогда противник пополз с новой силой.

Кречет понял это по звуку — стрельба стала плотнее, злее, очереди хлестали по брустверу, не давая поднять головы. Пехота противника больше не пряталась за горящей техникой — шла вперёд, перебежками, прикрываясь дымом. Их было много. Слишком много.

— Зять! — Кречет перекрикивал грохот. — Видишь?

— Вижу! — отозвался тот. — Обходят, сука!

Выглянул из-за бруствера. Слева, за разбитым КПП, мелькали фигуры. Обходили позиции с фланга. Но дело было не только в этом. Нутром чувствовал: это не просто попытка обойти их маленький опорник. Это шире. Глубже. Где-то там, в пяти километрах отсюда, тоже прорвали границу. Тоже пошли в глубину. И эти, слева, — просто часть большого потока, который растекается по Курской области, обходя всё, что можно обойти, и уходя дальше, дальше, дальше.

Он не знал, откуда пришло это понимание. Может, из обрывков радиоперехватов, которые слышал краем уха. Может, из того, как уверенно, не торопясь, двигался противник. Может, просто из того холодного, липкого чувства, которое сидело под рёбрами с самого начала.

— Зять, за мной!

Выскочили из окопа — вдвоём, пригибаясь, перебежками. Не думал, не планировал. Просто знал: надо добраться

до КПП. Там, у горящего «Страйкера», можно было найти что-то полезное. Или хотя бы укрытие.

КПП горел. Огонь лизал стены, чёрный дым валил в серое небо. Рядом, уткнувшись в землю, догорал «Страйкер» — тот самый, что подбили в начале боя. Кречет рванул к нему, прижимаясь к горячему металлу. Зять — за ним.

— Смотри! — Дмитрий показал рукой.

У стены КПП, среди обломков и тел, — два гранатомёта. Шведские. «AT4». Кречет узнал по характерной форме: одноразовые, лёгкие, удобные. Схватил один. Второй взял Отмахов.

— Патроны!

Зять уже полз между телами — своими и чужими, не разбирая. Собирал магазины, гранаты, всё, что могло пригодиться. Кречет шарил в догорающем «МРАПе» — в ящиках ещё оставалось что-то. Вытащил пару магазинов, аптечку, дымовую шашку. Больше не успел: рядом рвануло, упал, прикрывая голову.

— Уходим! — Дмитрий.

Вернулись в окопы — грязные, обожжённые, но с трофеями. Гранатомёт — Алехину. Тот сидел у бруствера, перевязывая руку.

— Держи. Шведский.

Алехин посмотрел на гранатомёт, потом на Кречета. В глазах — усталость и что-то похожее на благодарность.

— Работай, — коротко.

Кречет выбрался на бруствер. Танк — тот, что молотил по окопам, — стоял метрах в ста, развернув башню в их сторону. Прицелился. Выстрел. Гранатомёт дёрнулся в руках, снаряд ушёл точно в борт. Но танк не вспыхнул — только дёрнулся, окутался дымом, и башня его медленно повела стволом, ища цель. Кречет отбросил пустую трубу. Зять уже поднимался со своим гранатомётом. Второй выстрел. Тот же танк. На этот раз снаряд попал в корму — машина вспыхнула. Башню заклинило, ствол задрался вверх, из люка повалил густой чёрный дым.

Но ещё один танк — тот, что был дальше, — продолжал бить. Снаряды ложились рядом, вздымая фонтаны земли, и Кречет понял: долго они не продержатся. Оба гранатомёта пустые. Трофеев больше нет. Только стрелковое, только то, что осталось в магазинах.

Лейтенант — молодой, с перевязанной головой, — подполз к ним.

— Уходить надо, — сказал он. Голос хриплый, но твёрдый. — Срочников выведу. Прикрывайте.

Кречет переглянулся с Алехиным. Тот кивнул.

— Иди. — Кречет передёрнул затвор. — Мы прикроем.

Глава 4. Гончаровка

Надежда и Владимир Захаровы вставали в пять. Не по будильнику — по привычке, вросшей в кости. Владимир Петрович, кряхтя, спускал ноги с кровати. Долго сидел, приходя в себя. Потом нашаривал под кроватью старые кирзовые

сапоги, подшитые войлоком, надевал, шагал к умывальнику. По дороге кивал иконе в углу — чуть заметно, будто здоровался. А потом, прежде чем омыть лицо холодной водой, вполголоса говорил: «Прости, господи». Надежда Ивановна к этому времени уже хлопотала на кухне — ставила чайник, резала хлеб, готовила нехитрый завтрак. За окном только-только начинало светать, но двор уже жил своей жизнью: куры переругивались у кормушки, коза Машка требовательно блеяла, а пёс Колчак — беспородный, лохматый, с одним ухом — лежал у крыльца, положив морду на лапы, и смотрел на калитку. В ожидании случайного прохожего, чтобы как следует облаять его, показывая проснувшимся хозяевам свою нужность.

Дом Захаровых стоял на самом краю Гончаровки — той её части, что вытянулась вдоль оврага, за которым начиналось поле, а за полем, в дымке, угадывалась граница. Дом был старенький, но крепкий: сруб ещё отцовский, дубовый, потемневший от времени, с резными наличниками, которые Владимир Петрович сам вырезал лет тридцать назад. Крыша — шифер, местами залатанный рубероидом. Во дворе — сараюшка, сколоченная из горбыля, где жили десяток кроликов, столько же кур и коза Машка. Куры неслись исправно, кролики плодились, Машка давала молоко — немного, но хватало на творог и на простоквашу. Колчак охранял всё это хозяйство ревностно, хотя за всю свою собачью жизнь так никого и не укусил — только лаял, захлёбываясь, до хрипо-

ты.

Старики давно привыкли к грохоту. С той стороны границы он доносился годами — то тише, то громче. Сначала вздрагивали, выбегали во двор, смотрели в сторону посадки, за которой начинались поля, а там и граница. Потом привыкли. Перестали обращать внимание. Выходили по своим хозяйским делам — в огород, к кроликам, за водой к колодцу, — изредка матюгаясь и глядя в сторону границы, где небо то и дело наливалось багровым.

— Опять грохочет, — говорила Надежда Ивановна, выпрямляясь над грядкой с огурцами и вытирая руки о фартук. — Ни дна им, ни покрышки.

Владимир Петрович, копавшийся с лопатой у картошки, только сплёвывал и молчал. Был немногословен по характеру, а с возрастом слова стали казаться ещё более лишними. Что говорить? Грохочет — значит, там, за границей, идёт своя жизнь, чужая, непонятная, страшная. А здесь — огород, кролики, Машка, Колчак. Здесь — жизнь, которая продолжалась.

Соседка их, Маргарита Тимофеевна, примерно одного с ними возраста, вдова, жила через два дома. Каждое утро появлялась у калитки — маленькая, сухонькая, в цветастом платке, с неизменной палочкой в руке. Смотрела на Захаровых, качала головой и поддерживала их негодование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.